

63.5
391

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Этнические элиты в национальной политике России

СА-369125

Оглавление

Введение (В.В. Трепавлов)	7
Глава I. Чингисиды в Московском государстве (А.В. Беляков)	13
Глава II. Элиты Северного Кавказа: владетели и правители (Л.С. Гатагова)	61
Глава III. Этнические элиты Закавказья в имперской политике России (Дж.Я. Рахаев)	107
Глава IV. Политическая элита Малороссии (А.В. Марчуков)	149
Глава V. Молдавская элита России (В.Я. Гросул)	223
Глава VI. Остзейцы под эгидой Романовых (Э.П. Федосова)	263
Глава VII. Этнические элиты в союзных республиках СССР (К.С. Дроздов, Д.А. Аманжолова, В.В. Трепавлов)	293
Заключение (В.В. Трепавлов, Д.А. Аманжолова)	372
Приложение	
Остзейцы (Э.П. Федосова)	387
Кавказцы (Дж.Я. Рахаев)	402
Казахские ханы и султаны в системе управления Российской империи в XVIII—XIX вв. (Н.Е. Бекмаханова)	426
Высшая партийно-государственная элита союзных республик СССР (Д.А. Аманжолова)	432
Указатель имен	448
Указатель географических названий	468

Введение

Элитология как научная дисциплина сформировалась на основе убеждения, что в любом обществе образуется лидирующее меньшинство, которое составляет его элиту. Подходы различных исследовательских школ к вопросу о природе формирования элитного слоя не совпадают по многим позициям, но в целом могут быть разделены на два концептуальных подхода. В соответствии с первым, принадлежность к элите происходит от причастности к управлению обществом, то есть от обладания властью над ним (альтиметрические концепции). Сторонники этого подхода ставят во главу угла формальную включенность человека во властный механизм. Согласно второй точке зрения, средством и причиной обретения управленческих функций являются выдающиеся личные способности, и именно люди, обладающие экстраординарными личными качествами и заслугами перед обществом, оказываются во главе его (меритократические концепции).

Очевидно, рациональные моменты присутствуют в каждом из названных подходов, и правомерность их применения может варьироваться в зависимости от специфики конкретного общества и государства. Но в любом случае общество без правящей элиты не просто нежизнеспособно, но и невозможно. Сама организация социального существования человечества диктует выделение лидирующего слоя из общей массы. Это определяется многими историческими, объективными и субъективными факторами: естественным неравенством людей в уровне личных способностей, обучаемости, склонности к лидерству, к административной деятельности и принятию самостоятельных решений; неизбежной профессионализацией административного труда, повышением требований к его культуре, ростом его социального престижа; пассивным (по большей части) политическим поведением широких масс, «просыпающихся» лишь во времена социальных катаклизмов или организованных сверху политических кампаний (выборов, референдумов и т.п.). Все эти (и множество не названных здесь) закономерности характерны для властвующих элит практически на всем протяжении истории, на всех стадиях элитогенеза, в котором обычно усматривают трансформацию от элит аристократических к буржуазным и затем к профессиональным — современным.

Политическая элита всегда сравнительно немногочисленна по составу, но могущественна, так как сосредотачивает в своих руках политическое и иногда экономическое управление обществом. При этом отнюдь не все чиновники и функционеры автоматически могут быть причислены к элитному слою. Он включает лишь такие институты и таких деятелей, которые реально осущест-

Русское государство с самого своего зарождения было обречено на тесное взаимодействие с народами, принадлежавшими к иным этносам, культурам, религиям. С ростом территории состав подданных еще более усложнялся. Поэтому у Москвы было два пути развития: насильственная ассимиляция всех нерусских (неправославных) народов или же прагматичное встраивание их в государственную структуру. Изначально был выбран второй путь, и, как стало ясно впоследствии, это было правильное решение.

Сама история нашего государства подчас указывала пути дальнейшего развития. Московские князья и цари никогда официально не заявляли свои права на золотоордынское наследие. Однако поступательное продвижение на Восток не оставляло им выбора. Уже с XV в. в Москве появляются в качестве служилых царей и царевичей при московских князьях вчерашние коллективные сюзерены русских земель — Чингисиды. Рассмотрим динамику и географию выездов, особенности статуса и жизни этих людей в Русском государстве.

Выезды Чингисидов

Потомки Чингис-хана попадали в Московское великое княжество (царство) нерегулярно. Активизация выездов (вызовов) совпадает с «замытиями» в Золотой Орде и ее государствах-наследниках, а также с ростом активности политики Москвы в продвижении на Восток. Всех Чингисидов в России можно условно разделить по их происхождению или, в ряде случаев, по географическому фактору на: ордынских (большеордынские царевицы первой половины XV в.), казанских (потомки хана Улуг-Мухаммеда), крымских, или Гиреев (в это число также попадают лица неизвестного происхождения, связанные с Крымом), «Темиркутлуевы царицы дети», которых мы для удобства будем называть астраханскими Чингисидами, сибирских Шибанидов (Кучумовичи в их числе), казахских (киргиз-кайсацких), ургенчских (хивинских), а также царевичей, представляющих единичные случаи выезда из того или иного региона или не имеющих точной привязки к той или иной ветви этого разветвленного рода.

Ордынские Чингисиды

Первые выезды ордынской знати, в том числе представителей «золотого рода» в русские княжества относятся еще к XIV в.¹ За рассматриваемый нами период первыми были дети хана Тохтамыша Джелал ад-Дин (Джелаль-Еддин, Дулантев, Зеледи-салтан) и Керим-Берды, упоминаемые в Москве в 1407—1408 гг. Здесь они прятались от эмира Эдигея, захватившего власть в Орде. Или же только проезжали через земли великого княжества Московского в русские владения Великого княжества Литовского². Косвенным подтверж-

¹ Трепавлов В.В. Тюркская знать в средневековой России // Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 128—129.

² Горский А.А. Москва и Орда. М., 2001. С. 128—129.

Высшие сословия в социальном пространстве региона

Процессы социальной дифференциации и формирования привилегированных сословий протекали в каждом из этнических и субэтнических сообществ Северного Кавказа одновременно и обособленно — в силу множественности культурных архетипов и географической, этнической, языковой фрагментарности региона. Однако, невзирая на диахронность локальных социогенезов, местные сообщества на протяжении столетий развивались под воздействием схожих внешних и внутренних факторов, что в конечном итоге способствовало установлению близких или родственных форм самоорганизации.

Если исходить из исторически сложившихся форм политического и социального взаимодействия кавказских народов, то наиболее подходящей моделью для изучения местных элит (с оговоркой, что это достаточно условный термин для ранних кавказских реалий) следует признать социально-конфронтационную модель, в которой развитие общества строится на основе представления о ведущей роли социальной конфронтации. Политическая жизнь в таких случаях редуцируется к социальным и экономическим структурам¹.

Группы и сословия, в разные эпохи доминировавшие в кавказских этнических и субэтнических сообществах, находились в непрерывном движении, выдвигая из своей среды то одних, то других лидеров. К примеру, Большой Кабардой на протяжении нескольких столетий управляли четыре сменявшие друг друга княжеских фамилии. В 1828 г. начальник Кавказской области, командующий войсками на Кавказской линии, генерал Г.А. Эммануэль писал: «В то время, когда Кабардинские народы управлялись еще волею князей, князья, не имевшие над собою никакой власти, все тяжёбные дела между собою решали оружием. Малейшее неудовольствие влекло за собою кровопролитие, и сильнейший всегда оставался правым»².

На Северном Кавказе, как и в других регионах мира со схожим стадийным уровнем развития, для вождей и правителей было характерно обладание богатством (прежде всего, значительным количеством скота), инструментами управления (суд, руководство военными подразделениями во время походов, выполнение культовых действий) и моральным авторитетом³.

В восточной поэме М.Ю. Лермонтова «Измаил-бей», навеянной кавказскими мотивами, есть строки, повествующие о том, каким непререкаемым авторитетом пользовались знатные предводители в среде своих соплеменников: «...Но к ним подходит князь, / И все утихло! уваженье / В их выразительных чертах; / Но уважение — не страх; / Не власть его основа — мнение!». Могущество «мнения» было безграничным, оно распространялось на все сферы жизни и в значительной мере определяло ее уклад. Подтверждением последнему служит трансформация норм обычного права — адатов, в ходе социогенеза все более откровенно трактовав-

¹ Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул, 2015. С. 11.

² Из документальной истории кабардино-русских отношений, вторая половина XVIII — первая половина XIX в. Нальчик, 2000. С. 376.

³ Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. С. 108.

Молдавская государственность складывается в середине XIV в. Условной датой создания независимого Молдавского государства считается 1359 г., но структуры его начали создаваться еще раньше, испытав влияние соседних стран — Болгарии, Венгрии, Галицко-Волынского княжества, Польши, Сербии. Обращают на себя внимание несколько особенностей Молдавии как страны и государства, а также некоторые особенности молдавского народа. Молдаване говорят на языке романской группы. Но сразу же необходимо отметить, что это восточно-романский язык, более того, самый восточно-романский. В нем много слов из славянских, а также других языков. С самого начала своего формирования в Молдавии церковно-славянский язык был официальным, причем не только в правительственной канцелярии, но и в богослужении и обучении. Официальным славянский язык был на протяжении трехсот лет, до середины XVII в., но и после этого он не был полностью вытеснен.

Еще одна важная особенность молдавского народа и Молдавии как страны заключается в том, что господствующей религией является православие. Это, естественно, способствовало сближению с православными странами — Россией, Украиной, Болгарией, Сербией, а также с Грецией и Румынией. Православие господствовало все века после его принятия, несмотря на некоторые попытки внедрить католичество и униатство, как в средние века, так и в новое время. Все эти попытки, однако, потерпели поражение.

Славянский язык как государственный и православие как господствующая религия способствовали сближению Молдавии со славянскими странами в различных областях, в том числе и в области государственного строительства. Во главе государства находился господарь — слово тоже славянского происхождения и, более того, главные основатели Молдавии — господа Драгош и Богдан — также носили славянские имена, весьма распространенные в Сербии XIII в.¹ Система господарской власти, сложившись в самом начале основания молдавской государственности, впоследствии претерпела определенные изменения, с XIV по XIX в. сохранила в своем титуловании основные свои постулаты. В первой из сохранившихся господарских грамот от 1 мая 1384 г. господарь именуется «Nos, Petrus waivoda, dei gratia dux Terre Moldavie...»² («Мы, Петр воевода, божией милостью князь Земли Молдавии...»).

Господарские грамоты обычно составлялись на славянском языке, и первая из таких сохранившихся грамот на этом языке от 30 марта 1392 г. начинается со следующих слов: «Велики самодержавный милости божи господин, Io Роман воевода облада Землею Молдавскою от планины до моря»³. Слово «Io» (от Иоанн), возникшее явно под зарубежным, прежде всего южнославянским, влиянием означало «божий избранный». В этой грамоте господарь называется другим славянским словом — господин, но, как правило, такие грамоты выдавались от имени господаря. Так установилось во время правле-

¹ Наумов Е. П. Балканские влады и формирование древнесербской народности: (к анализу владских имен из сербских грамот XIII в.) // Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979. С. 34, 36, 54—55.

² Documenta Romaniae Historica. Seria A: Moldova. Vol. I: 1384—1448. București, 1975. P. 1.

³ Ibidem. P. 3.

Прибалтика, как одна из составных частей Российской империи, отличалась особым положением привилегированных немецких сословий — так называемых остзейцев (от названия Балтийского моря — Ostsee), статус которых как чужеземных колонизаторов, властных распоряжаться судьбами представителей коренных народов края — латышских и эстонских крестьян и в то же время подвластных российскому самодержавию.

Именно эта нерусская элита Прибалтики контролировала жизнь Лифляндии, Курляндии и Эстляндии, управляла этими территориями, использовала свои специфические особенности, ставя их на службу администрации и армии Российской империи. Взамен этого Россия подтверждала их привилегии, сословные права и владения¹. Основное и постоянное направление политики остзейцев сводилось к тому, чтобы, опираясь на самодержавие, закрепить за собой навсегда всю сумму привилегий и удержать в своих руках бразды правления краем и владение землей.

Немецкая элита Прибалтики до Северной войны

Лифляндия и Эстляндия, присоединенные к России в 1710 г., к началу царствования Екатерины II не были интегрированы в состав империи, так как основным принципом российской политики в новых землях было сохранение статус-кво и сотрудничество с местной элитой. Элитой Прибалтики являлся немногочисленный, но зато сильно сплоченный высший слой привилегированного матрикулированного² немецкого дворянства³. Важным элементом автономии Прибалтики, дарованной Петром I, были привилегии сословий, институционально выражавшиеся в существовании сословных организаций рыцарства, городов и суда, которые осуществляли функции самоуправления.

Господство немцев над Прибалтикой исчисляется столетиями начиная с XII в., когда немецкие бароны и рыцари захватили обширные территории между реками Неманом и Нарвой. В течение последующих столетий немецкие помещики и бюргеры колонизировали этот край. Это заморская колония немецких феодалов и ганзейских городов называлась тогда Ливонией. Здесь постепенно, в течение XIII—XVIII вв., складывались привилегии немцев, которые закрепили сословное самоуправление, обеспечивавшее независимость привилегированных сословий от центральной власти, в чьих бы руках она ни была⁴.

Остзейские помещики пользовались неограниченными правами и в органах волостного самоуправления. Волостная управа, волостной суд, т.н. мыз-

¹ См.: Канпелер А. Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 82.

² Матрикула — Родословная книга всех дворянских родов.

³ См.: Виграб Г. Прибалтийские немцы. Их отношение к русской государственности и к коренному населению краю в прошлом и настоящем. Юрьев, 1915.

⁴ См.: Федосова Э.П. Система управления Прибалтикой // Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 187.

Заключение

В течение последних столетий вопрос сотрудничества центральной власти с этническими элитами был одним из краеугольных камней не просто национальной политики, но вообще государственного управления в Российском государстве. Можно по-разному оценивать и определять эту практику — как социальную комплиментарность, как классовую солидарность... Но мы сталкиваемся с неоспоримым фактом: русские элитные страты традиционно кооперировались со своими иноэтничными «коллегами». Власть при организации управления опиралась и полагалась не на абстрактные «народы», а на местные элиты, сначала традиционные привилегированные слои — аристократию, родоплеменную верхушку, иногда духовенство, затем на буржуазию и представлявшие ее общественно-политические структуры (партии), а в XX в. — на советскую многонациональную партийно-государственную номенклатуру.

В отношении данной категории подданных со времен средневековья действовала практика сохранения некоторых старых социальных привилегий и предоставления новых льгот.

Притягательная сила российской экономики и русской имперской культуры служила важным средством примирения присоединенных народов с русской властью. Видный государственный деятель первой половины XIX в. Н.С. Мордвинов рассуждал о Кавказе, но его мысли приложимы и к другим «национальным окраинам»: «Чтобы покорить народы, кои ближе к дикому, нежели образованному состоянию, должно приучить к тому, что Россия производит и чем может их всегда снабжать. Должно увеличить число вещей, им потребных, должно возродить в них новые желания, новые нужды, новые привычки, должно ознакомить их с нашими увеселениями и умягчить суровую нравственность их нашим роскошеством, сблизить их к нам понятиями, вкусами, нуждами и требованиями от нас домашней утвари, одежды и всяких прихотливых изделий»¹.

Расчет на выгоду от не только политических, но и материальных приобретений чаще всего оказывался верным. Элита иноверцев стремилась обрести повышенный статус на российской службе, щедрое пожалование и привилегии, в том числе получить доступ к безграничным ресурсам империи.

¹ Мнение адмирала Мордвинова о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1858. Кн. 4. С. 110.